Полночь по парижскому времени. Закрытая книга

Автор:
Алиса Клевер

Полночь по парижскому времени. Закрытая книга

Алиса Клевер

Полночь по парижскому времени #2

«Я ничего не знаю, я совсем не знаю себя. Сегодняшняя ночь показала, что я даже не представляю, чего от себя ожидать. Оказывается, я способна на многое. Эта мысль – странная, новая – пугает меня и радует одновременно. Я намного хуже той, кем я себя считала. Я способна на ложь, на предательство, способна на спонтанные поступки. Я, выросшая в тени матери, лгуньи по профессии и по природе, я, глубоко осуждавшая любую ложь, верящая в силу разума и в безответственность чувств, не боявшаяся их безответности…»

Алиса Клевер

Закрытая книга

Как много тех, с кем можно лечь в постель,

Как мало тех, с кем хочется проснуться…

Эдуард Асадов

Ничего не поделаешь – то мы предаемся любви, то любовь предает нас.

Фредерик Бегбедер

Неверность как смерть – она не знает нюансов.

Дельфина Жирарден

* * *

Я ничего не знаю, я совсем не знаю себя. Сегодняшняя ночь показала, что я даже не представляю, чего от себя ожидать. Оказывается, я способна на многое. Эта мысль – странная, новая – пугает меня и радует одновременно. Я намного хуже той, кем я себя считала. Я, выросшая в тени матери, лгуньи по профессии и по природе, глубоко осуждала любую ложь, верила в силу разума, не боялась безответности чувств. Я способна на ложь, на предательство, способна на спонтанные поступки.

One-night stand. Liaison sans lendemain. Роман на одну ночь.

Я лежу на огромной кровати, от которой исходят незнакомые запахи дорогой гостиницы, стирального порошка, одеколона, который сводит меня с ума. И улыбаюсь.

Я изменила человеку, с которым прожила почти два года, и мне наплевать на это.

Злая совесть заставляет меня чувствовать проституткой, проснувшейся ранним утром в постели клиента, забывшегося после бурной ночи. Если зажмуриться, можно представить, что на дорогом прикроватном столике меня ждет несколько купюр. Интересно, сколько может стоить мое длинное неловкое тело, мои истерзанные губы, мои объятия, моя доступность? Как люди измеряют это в евро? «Ты бы не выдержала конкуренции», – неприятно смеется моя совесть, но я не удивляюсь. Моя самооценка никогда не была высокой.

И все же, я здесь. С великолепным Андре, черт его побери.

Он спит сном праведника, обнаженный и бесстыдный, мужчина, не видящий ничего странного в том, чтобы провести ночь в гостиничном номере малознакомой женщины. Мы виделись… три раза, четыре? До того, как Андре взял меня прямо в огромном кресле, он почти ничего не знал обо мне.
Он забудет меня через пять минут, но мне сейчас наплевать на это.
От воспоминаний, что именно он делал со мной на кресле, край которого я вижу, если чуть повернуть голову, меня бросает в дрожь, а на губах появляется улыбка преступника, которому удалось улизнуть с деньгами.

Сережа написал, что любит меня. Мой парень, с которым я счастливо скучала почти два года, написал мне. Но я не ответила. Все, о чем я думала, это как бы пошире раздвинуть ноги, чтобы позволить Андре пронзить меня насквозь своим членом. Я чувствую, как новая горячая кровь приливает к бутону между ног, и щеки становятся пунцовыми от стыда или возбуждения, я не могу разобрать до конца.

– Ты думаешь обо мне? – спрашивает меня вдруг Андре, и я оборачиваюсь, вижу его сонное лицо. В глазах еще легкая дымка, он не до конца проснулся, но смотрит на меня, и внимание, эта его потребность изучать каждое изменение моих эмоций заставляет меня стремиться прятать свои чувства.

– Я думала о том, как странно это – проснуться тут с тобой, в каком-то гостиничном номере.

– Странно? – улыбнулся Андре. В постели его улыбка становилась кошачьей, словно он скрывал что-то, хитрил. – Странный выбор слова «странно». Почему – странно?

– Я тебя совсем не знаю.

– Совсем не знаешь? – улыбнулся он и чуть сощурился. – Несколько поздно для таких мыслей, не думаешь?

– Не думаю, – мотаю головой я. Тогда Андре сбрасывает с меня простыню – единственное мое укрытие, и нежно проводит рукой по оголенному бедру. Я вздрагиваю, но не потому, что мне неприятно его прикосновение. Напротив, я хочу большего. Проблема в том, что я не должна этого хотеть.

– Смотри, какой красивый изгиб у твоего бедра, – шепчет он, сохраняя призрачную дистанцию между нами. – Длинные ноги. Стройные. Ты знаешь, какое сильное это оружие. Поэтому ты носишь джинсы и шлепки? Из жалости к мужчинам, да?

Андре ничего не знает о Сереже. Мы с ним – два незнакомца, у каждого есть свои маленькие тайны. Моя – в неотвеченной эсэмэске. В чем его тайна? В том, отчего я хочу, чтобы он снова овладел мною. Он довольно груб, со мной никто никогда не обращался так в сексе.

Сейчас, когда Андре лежит рядом и смотрит на меня, забросив одну руку высоко за голову, я не уверена, что хоть раз занималась сексом до него по-настоящему. Этому можно научиться? Может быть, во Франции есть курсы? Тогда он там преподает.

– Подвинься ко мне, – прошептал Андре, и я заметила, как исчезает улыбка с его лица. Он становится серьезным. – Ближе.

– Так? – Я неуклюже переваливаюсь, мое тело не слушается меня. Краем глаза я замечаю, что на одном из моих запястий небольшой синяк. Я не помню, как получила его, но отчего-то мне нравится, что он там есть. Он будет напоминать мне о том, что все это не было сном.

– Вплотную, – его голос звучит по-деловому. Его упругое сильное тело так близко, что я невольно начинаю дышать глубже, мне так нравится его запах. Я чувствую его руку за своей спиной. Он проводит пальцами по спине,

по каждому моему позвонку – медленно, неторопливо, достаточно сильно, чтобы я замурлыкала от удовольствия. Затем его ладонь захватывает мой зад и – ба-бам! Одно резкое движение, и моя промежность прижата к его почти вплотную. Последнее, что мешает нам сблизить наши тела – это его возбужденный член. Дыхание мое прерывается, меня снова трясет. Андре, что со мной? Откуда ты взялся на мою голову? Как можно оставаться таким спокойным, когда я вижу, насколько сильно ты возбужден?

– Можно, я…

– Что, моя птица? – смеется он. – Хочешь его потрогать? Знаешь, обычно женщины не спрашивают на это разрешения.

– Обычно? – повторяю я, словно эхо, и мир снова возвращается на свое место. Обычно женщины не сходят с ума из-за простого секса, обычно…

– Раздвинь колени, – командует он. Я все еще обижаюсь, но ни за что не покажу этого Андре. Я хочу, чтобы он ушел, но раздвигаю колени с покорностью заведенной куклы. Он смеется, просовывает ладонь между моих ног, засовывает палец внутрь, заставляя меня ахнуть, а затем вдруг его член оказывается между моих ног.

– Что… что ты… – Я глупо хлопаю глазами, а Андре хватает ладонью мои ягодицы и принимается двигаться всем телом – так и оставаясь снаружи. Его глаза неотрывно следят за моими, ловят мое удивление, растерянность, даже возмущение. Между моих ног влажно от его движений, и от того, что его член не вошел в мое тело, я чувствую себя еще более как кукла. Он пользуется мной, как пожелает, и даже не собирается думать обо мне.

Не то же ли это самое, что обычно мы делали с Сережей – причем все последние два года? Нет, отвечаю я самой себе. Нет, Сережа оставлял меня, пустую и холодную, оттого, что не знал, и предположить не мог, что я могу вести себя так. Андре смотрит на меня и наслаждается моей неудовлетворенностью. Он чуть поворачивается, высвобождая вторую руку, прикасается к моей груди, сжимает мой сосок – довольно сильно, так, что я вскрикиваю.

– Все хорошо? – спрашивает он.

– Прекрасно! – бормочу я, словно от того, что я признаюсь ему в своих желаниях, зависит мое будущее. Он улыбается и подносит руку к моим волосам, запускает в них пальцы и запутывает так, что теперь положение моей головы тоже полностью в его власти.

– Ты знаешь, что я даже могу кончить так? – с любопытством спрашивает он. – У тебя такая нежная кожа, такая упругая. Ты хороша, и самое хорошее в тебе, птица, ты даже не понимаешь, насколько ты хороша. Просто летишь, раскинув крылья. Твоя грудь выдает тебя, ты возбуждена. Когда ты злишься, ты стараешься сжать мой член сильнее, хочешь сделать мне больнее, да?

– Да! – почти кричу я.

– Мне нравится так, – улыбается он. – А тебе?

– Все просто отлично! – возмущенно отвечаю я. – Можешь делать со мной все, что тебе заблагорассудится.

– А ты потом пойдешь в ванну и закончишь сама? – спросил вдруг он, и я побелела от ярости. По большей части потому, что то, что он сказал, было правдой. Именно это я и делала с неприятной теперь регулярностью после секса с Сережей.

– С чего бы? – крикнула я зло. – Я найду кого-нибудь еще закончить твою работу. Я видела, тут есть красивый бартендер!

Андре ничего не ответил, но веселая улыбка немедленно исчезла, его лицо изменилось до неузнаваемости, и, кажется, это был первый раз, когда я сталкивалась с таким выражением его лица. Он был раззадорен и заведен, как бомба, часовой механизм которой уже тикал – я могла видеть это в его глазах. А еще – азарт. Он отстранился от меня, рассматривая так, словно прикидывая, как именно мне посильнее отомстить, и понимание этой прямой угрозы почти свело меня с ума. Какой-то защитный механизм сработал, я оттолкнула Андре, вырвалась из его рук и попыталась слезть с кровати.

Андре не дал мне сделать этого, он схватил меня за руку и резко, грубо притянул назад. Он не отпустил меня. Если бы он дал мне уйти, я была бы разочарована.

– Только не вздумай кричать, а то я заткну тебе рот, – пробормотал он, облизывая губы. Я ахнула и попыталась вырваться, тогда он схватил меня за оба запястья и одним резким движением опрокинул под себя.

– Чем же ты заткнешь мне рот? – спросила я, покосившись вниз, туда, где заканчивалась темная линия волос на его животе. Я получила жесткую, многообещающую улыбку в ответ. Мне было незнакомо блаженное чувство наготы и беззащитности, снимающее с меня всякую ответственность за происходящее. Он прижимал меня за руки к постели, а его сосредоточенный взгляд держал под контролем каждый мой вздох.

– Чего ты хочешь, Чайка? – спросил Андре. – Чтобы я отпустил тебя или чтобы закончил с тобой?

– Чего хочешь ты, темный принц? Чтобы я умоляла? – спросила я в ответ.

– Темный принц? – рассмеялся он. – Неужели так трудно ответить на простой вопрос?

– Ты – первый, – покачала головой я. О, если бы он выпустил меня, я бы стала умолять, в этом не было никаких сомнений. Мое тело хотело завершения, хотело принадлежать Андре с такой непобедимой животной силой, что у меня не было шансов на сопротивление.

– Ты невозможная девочка, – прошептал Андре и отпустил меня – только на мгновение, – чтобы перевернуть на постели лицом вниз. Никакого внимания к моим крикам, он раздвигает мои ноги и своевольно проводит рукой по промежности. Я пытаюсь обернуться, чтобы увидеть его лицо, но он наваливается на меня всем телом, его лицо рядом с моим, его щека на моей щеке. Мне становится тяжело дышать, мое тело сопротивляется тяжести его тела, но он намного, намного тяжелее и сильнее меня. Андре целует меня

в шею, проводит губами по плечу. Его ладони накрывают мои запястья, и именно в этот момент его член пронзает меня резко, без жалости, без попытки сделать мне приятно. Мой крик тонет в поцелуе, его губы сладкие, ярко-красные. Глаза его закрыты. Я приподнимаю ягодицы, пытаясь дать моему дикому наезднику полный доступ. Он во мне, и мое тело поет – через легкую боль, через восхитительную пульсацию.

– Тебе нравится, да? – спрашивает Андре, и в его голосе немножко неуверенности, совсем чуть-чуть. Он хочет знать. Сказать ему, что я плавлюсь от восторга и все мои мысли там, между ног, и нигде больше? И восхитительная тяжесть его тела говорит со мной на каком-то первобытном языке, которым я раньше не владела.

– Мне мало, – шепчу я и слышу в ответ смешок.

– Ты невозможна, птица! – возмущается он. Его ладони отпускают мои и без того покорные, как подрезанные крылья, руки. Он чуть приподнимает меня за бедра, и я чувствую, как пальцы Андре нащупывают мой клитор.

– Нет! – шепчу я. – Я не хочу… сейчас. Дай мне – хоть чуть-чуть…

– Теперь ты умоляешь, – удовлетворенно усмехнулся он, играя со мной, проводя пальцем по створкам моих половых губок. – Ты всегда будешь хотеть еще.

И, немилосердный, жестокий захватчик, он вдруг поднялся, заставил меня встать на колени и наклониться вперед. Он нанес мне всего несколько ударов, каждый из которых сопровождался легким прикосновением подушечек его пальцев к моей перенапряженной сердцевине. Всего несколько секунд, и я кричу от наслаждения и переполняющих меня эмоций. Мои руки по-прежнему широко раскиданы, я уткнулась в подушку и, кажется, плачу. Я чувствую, как тело моего мужчины обмякло, его член сокращается у меня внутри, и если бы он сам заранее не подумал о презервативе, я бы, наверное, уже была бы беременна, что беспокоит меня в эту минуту меньше всего. Мое тело поет, и я слушаю и не хочу пропустить ни одной ноты. Мощный аккорд, идущий из самого центра моей женской сущности. Легкую дрожь всех мышц. Сокращающееся в экстазе влагалище. Острые импульсы в груди заставляют соски набухнуть так сильно, что мне почти больно.

Я растрачена и потеряна, меня нет, мое тело победило мой дух, и сознание отходит в сторону. Я хочу спать. Андре целует меня и говорит что-то по-французски, но у меня нет сил даже ответить на его поцелуй. Я слышу, как он смеется. Я чувствую, как он помогает мне устроиться поудобнее в его руках. Я засыпаю, мечтая, чтобы это сладкое чувство не покинуло меня никогда.

* * *

Утренние сборы на работу похожи на похмелье, хотя ни один из нас ничего накануне не пил. Мы почти не говорим ни о чем, кроме каких-то ничего не значащих фраз. «Ты не знаешь, где моя рубашка?» «Тебе заказать кофе с собой?» «Сколько мы проспали? Полчаса?»

«Я не знаю, что мне делать с собой после того, как ты уйдешь»… Это, последнее, раздается только в моей голове.

– Даша, мне пора, правда, – говорит Андре, и я слышу в его голосе извинения. Что написано на моем усталом лице, за что Андре чувствует потребность извиниться? Я знала, что делала, на что шла. Знала ли? В любом случае я не хочу, чтобы он подумал, что я жду от него чего-нибудь. Продолжения? Продолжения чего?

– Мне нужно сделать пару звонков, – говорю я максимально нейтрально, потому что чувствую, что говорить сухо и равнодушно – это почти то же самое, что и рыдать, умоляя его остаться. Две стороны одного и того же отчаяния. – Ты найдешь выход?

– Выход? – растерянно переспрашивает он. Наверное, фраза все же прозвучала жестче, чем я хотела. С таким же успехом можно было прямо сказать – убирайся отсюда. Андре молча надел на себя рубашку – через верх, застегнутую, так, словно это был свитер. Торопился так, словно спешил скрыться за рубашкой – от меня.

Интересно, а я как теперь найду выход?

– Ты поедешь в клинику? – спрашиваю я просто потому, что это вопрос нейтральный. Каждое сказанное нами слово сейчас имеет второе дно, как коробка фокусника. Я спрашиваю – ты поедешь в клинику? Он слышит – ты простишь меня?

– Я пока еще не определился, – сухо отвечает он, и я отвожу взгляд в сторону. Минуту назад я чувствовала себя совершенно другим существом, высшим существом, путешествующим сквозь миры и звезды, а сейчас я – неумелая врушка, не знающая, как правильно расстаться с французским любовником на одну ночь. Который к тому же был хорош и к которому у меня нет никаких претензий. По крайней мере, не должно быть никаких претензий.

Прекрасный эпизод для отпуска в Париже.

Хотя я в Париже вовсе не в отпуске. Я здесь по воле моей матери, актрисы, верящей, что за хорошие деньги можно вернуть юность, пусть даже и на миг, и при тусклом свете свечей, и в кривом зеркале. Все люди боятся смерти, моя мама боится забвения. Все верят в чудеса. Только она называет их пластической хирургией. А моего Андре – ее персональным магом.

Моего Андре.

Он никогда не будет твоим. Твой – это Сережа. Твое – все, что прилагается к нему: спокойствие и скука, надежность, заключенная под вакуумной крышкой в стеклянной банке. Дыши осторожнее, чтобы не выдышать счастье раньше времени. Иди и напиши эсэмэску Сереже. Напиши ему, что тоже скучаешь или что-нибудь невыносимо банальное, во что он обязательно поверит. Ему необязательно знать о том, какая ты на самом деле.

– Что-то не так? – Вопрос застает меня врасплох. Со мной все не так. Я хочу его. У меня болят губы, и это чувство восхитительно. Где ты, моя всемогущая совесть, почему ты не хочешь спасти меня, удержать на краю пропасти.

– Все отлично! – Я улыбаюсь из последних сил. – Но тебе не идет эта рубашка.

– Считаешь? – ухмыляется он. Я закрываю глаза, вспоминая, как целовала его обнаженную грудь.

– Разве тебе не пора?

– Ты не можешь дождаться, чтобы избавиться от меня? – переспрашивает он, и я замечаю – со злорадной радостью – обиду в его голосе. Может быть… может быть…

– Помню, как однажды мама взяла меня в Санкт-Петербург. Это была идея Вити, ее тогдашнего мужа…

– Самое близкое, что у тебя было к фигуре отца? – Андре повторил мои слова почти дословно. Хорошая память? Или он настолько интересуется мной, чтобы слушать все мои глупые рассказы о моем банальном детстве? Скорее первое, чем второе.

– Он водил машину, черную «Хонду», и я сидела на заднем сиденье, смотрела на дорогу, которая плелась за нами. Шоссе с выбоинами после нашей бесконечной зимы. Потом мы остановились в маленькой двухкомнатной квартирке прямо на Невском, там была консьержка, она кормила меня каждое утро яичницей и двумя сосисками. Мама пила только сок. Витя съедал ее яичницу вместе со своей.

– Ты так подробно все запомнила, сколько тебе было лет?

– Наверное, лет десять.

– Хорошая поездка? – Андре смотрел растерянно, не понимая, к чему я веду.

– Не знаю. Они ругались все время, у мамы были какие-то переговоры в одном из театров. Витя не хотел, чтобы она соглашалась, он не любил Питер.
Но для меня это была восхитительная поездка. Мы облазили весь Петербург, катались на катере. Я съела столько мороженого, что у меня началась ангина. В Питере совсем другое мороженое. Витя держал меня за руку, когда мы переходили дорогу. Когда я ходила куда-то с мамой, она всегда бежала вперед, уверенная, что я уж как-нибудь не потеряюсь. Однажды я на самом деле потерялась. Но не в этом дело, не в этом. – Я начала путаться, рассказчик из меня никудышний. И вся эта история – глупость, разве нет.

– А в чем же дело?

– А в том, что сколько я потом не ездила в Питер – с мамой, с моим школьным классом и потом, когда я уже выросла, по работе, – я никогда уже не была там так счастлива. Не смогла пережить ничего подобного, что пережила в той поездке. Потому что такое не повторяется. Это просто невозможно.

– В одну реку не войдешь дважды? – переспросил он грустно. Да уж, столько слов, чтобы он суммировал все одной банальной поговоркой.

– Что-то типа того. Но мне хочется. И всегда будет хотеться. Хоть это и невозможно.

– Я легко могу войти в тебя дважды. И даже двадцать раз. И каждый раз это будет что-то новое, – заметил Андре и посмотрел на меня с напряженным ожиданием. От этих слов я чуть было не начала отматывать все назад, но Андре не дал мне шанса. Он развернулся и пошел к двери.

– Ты хотел бы, чтобы я помнила тебя и страдала, да? – спрашиваю я довольно зло.

– А ты, конечно, планируешь меня забыть и наслаждаться забвением, верно? – уточнил он, взявшись за дверную ручку.

– Если смогу, – эхом отвечаю я. Наверное, что-то в моем голосе выдает меня. Андре останавливается – уже в дверях – и разворачивается ко мне. Он долго смотрит на меня, красивый, зачем-то обиженный мной мужчина. Я вижу его в последний раз, по крайней мере наедине, и я хочу, чтобы мы расстались вот

так? Андре такой уязвимый сейчас, что ни за что не поверишь, что именно его нежные руки оставили синяки на моих запястьях.

– Ты можешь вести себя как взрослый человек? – спрашивает он, явно «заведенный» до предела моим поведением. – Ты можешь объяснить, какая муха тебя укусила?

Муха по имени Сережа? Вся моя жизнь?

– Я провожу тебя, – говорю я и тянусь, чтобы взять с собой кардиган. Мне холодно, хотя на улице жарко. Меня бьет дрожь. Может быть, я простудилась?

– Спасибо, не стоит. Можешь начинать забывать меня. – К Андре возвращается его привычная уверенность в себе. Я вздрагиваю, когда слышу хлопок двери.

Он исчезает быстрее, чем я успеваю прийти в себя. В голове стучит – все кончено, все кончено, все кончено. Но может ли быть кончено что-то, что никогда и не начиналось? Забавно: одна ночь, а помнить ее я буду, наверное, всю жизнь. Как ту поездку в Питер.

Распустилась.

– Ваше кофе, мадам. – Официантка смотрит на меня с неодобрением, потому что я ничего не ем, но зато пью уже вторую чашку кофе. Я с трудом осознаю, где я – в баре, в лобби отеля. Мой кофе горький, крепкий – как я люблю. Как же это здорово, быть потерянной в другой стране, на мягком диване, с маленькой чашечкой кофе в руке.

– Спасибо, – отвечаю я, получая своеобразное удовольствие, разговаривая на французском. Возможно, мне не хватает этого в России. Может быть,

мне стоило бы иногда соглашаться на поездки, мне ведь предлагают периодически. В Бельгию, например, и в Амстердам. И в Нормандию. Может быть, я могла бы приезжать периодически…

Ты никогда его не увидишь. Это нужно закончить здесь и сейчас. Прекрасное воспоминание.

Мне хочется кинуть в кого-нибудь чашкой кофе, но вместо этого я опрокидываю чашку на стол – брызги летят во все стороны. Я встаю, воровато озираюсь, бросаю на столик купюры и вылетаю из кафе так, словно там начался пожар. На переходе, пока все ждут сигнала светофора, я закрываю глаза, и меня тут же охватывает слепое упоение, что я испытала, когда моим телом распоряжался Андре. Каждая отдельная клетка в слепом упоении от него. Вдруг я осознаю, что всем вокруг ясно, о чем я думаю. Мне кричат что-то по-французски, меня толкают в спину. Я нарушаю гармонию городского потока, глупая курица.

– Что-то не так, Даша? – спрашивает меня мама, хотя я потратила все утро, чтобы полностью, полностью привести себя в порядок. Я вздрагиваю – потому что ее слова повторяют вопрос, который я уже слышала сегодня. Мама медленно идет по больничному саду и смотрит на меня с подозрением. – Ты не заболела?

– Заболела? Нет. Почему? – удивляюсь я.

– Ты в водолазке в такую жару. – Мама пожимает плечами. Да, мне жарко, но что бы она сказала, если бы увидела мои запястья? Я прикрываю свой позор за длинными рукавами тонкой хлопковой водолазки.

– Что говорят врачи? – аккуратно отвечаю я. – Когда будет операция?

– Врачи? – фыркает мама. – Что они могут, кроме как высасывать из меня деньги и делать сотни каких-то анализов. С каждым разом анализов придумывают все больше и больше. Раньше было проще. Ты просто приходила, показывала, что тебе нужно отрезать или пришить, и они делали.

– Мама! Так нельзя, это же твое здоровье. И потом – возраст.

– Даша, осторожнее, – предупреждает она. Ее возраст – тайна за семью печатями, а я – тролль, хранящий печати. Шестьдесят. Маме будет шестьдесят. Она планирует праздновать сорокалетие – это максимум.

– Пусть делают все анализы, это правильно, – говорю я, невольно оглядываясь по сторонам.

– Знаешь, чего я боюсь? – Мама склоняется ко мне и говорит тихо. – Не ровен час о моем пребывании здесь прознают папарацци, и потом будет такой шум, что пиши пропало.

– Не такая уж ты большая звезда, – пытаюсь утешить ее, но, как всегда, выбранные мною слова только еще больше заводят ее. Мама смотрит меня в возмущении, но дело в том, что здесь, во Франции, ее никто не знает. Но если ей хочется верить, что за ней, как за Анжелиной Джоли, так и ходят по пятам фотографы, так тому и быть.

– Я хочу вернуться в гостиницу, мне нужны кое-какие вещи. Ты мне не все привезла. И потом, в гостинице никто не сможет понять, зачем я здесь. Может быть, меня пригласили на съемки в каком-нибудь авторском французском кино.

– Ты возвращаешься сегодня? – спросила я, чувствуя одновременно и надежду, и разочарование. Если мама будет со мной в номере, никаких сюрпризов не будет, верно? Но если она возвращается сегодня… я ничего не убрала, так и бросила… горничные… Я совсем неопытный преступник, и вычислить меня легко.

– Даша!

– Что? – вздрагиваю я.

– Ты меня совсем не слушаешь. Сегодня они меня не отпускают. Между прочим, про авторское кино – я действительно получала предложения. Может быть, стоит сходить – просто чтобы потом не жалеть.

– Ты хочешь и оперироваться, и сниматься в кино? – рассмеялась я. – Это вполне в твоем стиле. Только пусть тебе дадут роль женщины в коме. Тогда ты будешь лежать вся в бинтах, а они будут тебе за это платить.

– Дашка! – фыркнула мама и свернула ко входу в клинику.

* * *

Сегодня я была заботливая дочь, предусмотрительная и неленивая. Я бегала в магазин, приносила воду, потом другую – правильной марки, которую мама считала для себя лучшей. Я не жаловалась, не раздражалась, не спорила. Не дочь – мечта. У меня были свои причины на то, чтобы вести себя подобным образом. Весь день в клинике я невольно поглядывала по сторонам, боясь (надеясь?) встретить там Андре. Мама смотрела на меня с подозрением, но я только заботливо улыбалась и поправляла сбившуюся простыню. Несколько раз мне удалось пройти мимо кабинета Андре, и от одного предположения, что он может быть там, отделенный от меня тонкой стеной, меня бросало в жар. Сомнительное поведение для человека, который решил никогда не видеться кое с кем.

– Иди уже домой! – завопила мама, когда я приволокла ей обед на изящном подносе. Андре так и не появился, даже на секунду. Может быть, он вообще не приезжал на работу?

– У тебя точно есть все, что нужно? – в сотый раз спросила я.

– У меня слишком много всего, что мне нужно. Ты носишься со мной так, словно я чем-то больна. Дашка, у тебя разве нет своих дел? Ты разве не привезла с собой тонны своих ужасных текстов для переводов? – Мама говорила с раздражением. Я поцеловала ее в щеку – еще один жест сентиментальности, заставляющий ее морщиться. Мама никогда не любила особенных нежностей, если они, конечно, не записывались на кинопленку.

Уйти оказалось труднее, чем я думала. Возвращаться в номер, где свершилось мое грехопадение без надежды на его повторение, не просто. Сегодня мамы

не будет в отеле. Завтра у меня уже не будет шанса. Я повторяла себе, что у меня и сегодня нет никаких шансов, но ноги сами несли меня по коридору до самой рецепции, где в ожидании приема сидели пациенты. Вежливая девушка, деловито перебирающая бумажки по другую сторону стойки, вопросительно посмотрела на меня. Я помедлила немного, провела пальцем по идеально чистой поверхности стойки, затем подцепила конфетку из миски – черт его знает зачем. Я ненавижу карамели.

– Я могу вам чем-то помочь? – спросила медсестра на приеме.

– Мне нужно… поговорить с месье Робеном, – пробормотала я, моля, чтобы мои щеки сохранили натуральный цвет, насколько возможно. – Есть кое-какие вопросы. Он здесь?

– Сейчас узнаю, – кивнула медсестра и подняла телефонную трубку на длинном черном проводе. Я отвернулась от нее главным образом для того, чтобы не показывать свое дурацкое смущение и волнение. Если я собираюсь врать, нужно научиться делать это более убедительно. Что за вопросы я задам, если медсестра сейчас найдет месье Робена? Почему он всеми силами пытается отказаться оперировать мою мать? Я уже спрашивала его об этом. Он уже не ответил. Вместо этого он провел со мной ночь. Этот сценарий устраивает меня более чем. Кто сказал, что роман на одну ночь не может продлиться две ночи?

– У него занято, – сообщила мне медсестра. – Если хотите, можете подождать.

– Да, конечно! – кивнула я и присела на один из свободных стульев. Приемная не была перегружена людьми, и каждый из присутствующих будто старался мысленно отгородиться от остальных. VIP-клиенты наверняка имели возможность заходить с какого-нибудь другого входа и сидеть в какой-нибудь персональной приемной, но для этого ты должна быть как минимум Анджелина. Все остальные приравнивались к простым смертным. Простота в клинике пластической хирургии начинается с суммы в десятки тысяч евро.

Клиентура была на удивление молодой, большая часть людей тут не столько хотела вернуть утраченное, сколько улучшить комплект, выданный природой. Чтобы отвлечься, я принялась гадать, что именно из присутствующих пытается

улучшить. Носы, уши, недостаточно большая грудь. Пара липосакций – тут не было никаких сомнений. Интересно, что они предположили бы насчет меня? Одна девушка, яркая, запоминающаяся брюнетка с длинными вьющимися волосами цвета вороного крыла, окинула меня таким взглядом, словно считала, что во мне нужно поменять все. Но даже и это не поможет.

Неприятное высокомерие!

Такие красотки, с идеальными фигурами, с ровным загаром, прекрасно ложащимся на темную от природы кожу, возмущали меня одним своим существованием. Что это возмутительное существо может хотеть изменить в себе? Что дает пищу ее неуверенности в себе? Ведь что-то нужно этой стройной темноглазой принцессе, раз она пришла сюда. Может быть, подрезать ноги? Может, они мешают ей, слишком сложно с такими ездить на метро? Может быть, прекрасные груди, которые эта Шахерезада так умело упаковала в декольте – уже результат работы талантливого хирурга, в чьих руках ты так хочешь оказаться? Может быть, Шахерезада пришла на регулярное техническое обслуживание? Замену силикона?

Ты злая, Дарья Владимировна.

– Может быть, вы оставите месье Робену сообщение? – спросила меня девушка за стойкой. – Он уехал в другую больницу, возможно, он пробудет на операции до самого вечера.

– Спасибо, ничего не надо, – помотала я головой, с трудом скрывая разочарование. Да, я забыла, что, помимо того, чтобы гипнотизировать меня загадочным взглядом, Андре нужно резать людей. Господи, сколько же человек, оказывается, думает, что убавлением чего-то в одном месте или добавлением в другом они смогут сделать свою жизнь лучше. Моя мама хотя бы имеет железный аргумент. Она – актриса, выцарапывающая себе место под электрическим солнцем, под лучами ослепляющих софитов на съемочной площадке. Шахерезада проводила меня неодобрительным взглядом, наверняка

осудив во мне все – и водолазку, и голубые джинсы со следами от разбрызганного кофе, и разношенные кроссовки. Наплевательское отношение к внешности в приемной клиники пластической хирургии, наверное, было равносильно убийству.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/alisa-klever/polnoch-po-parizhskomu-vremeni-zakrytaya-kniga-kupit

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити